

В.П. Мещеряков

Фамусов

Фамусов Павел Афанасьевич — персонаж комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». В списке действующих лиц он обозначен как «управляющий в казенном месте», что уже говорит о принадлежности к высшей бюрократии. Известно также, что он является членом Английского клуба.

Фамусов — вдовец, по-своему заботящийся о воспитании единственной дочери, он не женился вторично, но нанял для Софьи француженку-гувернантку, которая сумела стать девочке «второй матерью». Из реплики Фамусова можно понять, что он не был счастлив в супружестве, так как постоянно заставлял свою «дражайшую половину» в мужском обществе. Сам Фамусов подчеркивает, что он еще бодр и свеж, хотя и «дожил до седин», и тут же особо отмечает, что всем известно его «монашеское поведение». Правда, слова его расходятся с делом: в самом начале комедии он заигрывает с Лизой, а во втором действии велит записать слуге, что на днях «должен у вдове, у докторше крестить». Фамусов, как и все московские дворяне, дорожит родством, даже дальним («При мне служащие чужие очень редки, Все больше сестрины, свояченицы детки»).

Вместе с тем Фамусов умеет ценить и деловые качества подчиненных — именно по этому признаку он приблизил к себе и Молчалина, который не состоит с ним в родстве. Себя обременять трудами Фамусов не любит («Обычай мой такой: Подписано, так с плеч долой»). Присуще ему и хлебосольство, хотя это не столько его индивидуальное, сколько родовое обыкновение московского барства, принадлежность к которому Фамусов всячески афиширует:

Кто хочет к нам пожаловать, — изволь;
Дверь отперта для званых и незваных,
Особенно из иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнехонько, про всех готов обед.

Сам Фамусов нередко грешит чревоугодием: «То бережешься, то обед: Ешь три часа, а в три дни не сварится!»

Мировоззрение Фамусова сложилось в прошлом столетии, в «золотой» екатерининский век дворянства, когда всем заправляли фавориты императрицы, и с тех пор ни малейшего изменения не претерпело. «Новизна» неприемлема для Фамусова и потому, что все московские «тузы», в кругу которых он вращается, исповедуют те же взгляды.

Суть этого мировоззрения сводится к нескольким нехитрым, но прочно усвоенным правилам. Фамусов охотно простит любому бытовые грехи, однако готов казнить тех, кто нарушает «идеологические принципы», то есть не хочет жить по заповедям «старины».

Ну вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче, пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Даже салонное образование кажется ему развращающим:

Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по летам!

Сам Фамусов тотчас засыпает, стоит ему взять в руки книгу («И в чтение прок-от не велик...»). Видя в Чацком проповедника ненавистной для него «вольности», Фамусов тем не менее сходится с ним в неприязни к иноземному.

...Заняты для девицы!
 Всю ночь читает небылицы,
 И вот плоды от этих книг!
 А все Кузнецкий мост, и вечные французы!

Следует отметить, что их неприятие иностранного имеет совершенно различные корни. Чацкий видит в галломании причину забвения национальной культуры и самобытности, Фамусов усматривает во французских магазинах «губителей карманов и сердец», причем первое для него, конечно, важнее.

В свое время Фамусов пытался и Чацкого «научить жизни», возя его с визитами к «нужным людям», но юноша оказался неспособным учеником.

Фамусов же отлично усвоил светскую науку обращения с вышестоящими и подчиненными. С последними он не церемонится; Молчалину он прямо заявляет: «И будь не я, коптел бы ты Твери». Чацкому Фамусов грубовато советует «не блажить», хорошенько управлять имением и, главное, определиться на службу и делать карьеру всеми возможными способами.

В качестве образца успеха на жизненном поприще Фамусов приводит в пример Кузьму Петровича:

Покойник был почтенный камергер,
 С ключом, и сыну ключ умел доставить;
 Богат, и на богатой был женат...

Искренний восторг вызывает у Фамусова его дядя — Максим Петрович, осыпанный орденами, ездивший только в карете, запряженной цугом, весь свой век проведенный при дворе Екатерины II. Именно с него Фамусов советует брать пример молодому поколению, подражая старику, который, чтобы заслужить улыбку императрицы, несколько раз в ее присутствии нарочно падал на пол, больно стучаясь затылком. И его усердие, подчеркивает Фамусов, не пропало даром — государыня постоянно привечала Максима Петровича.

С точки зрения своего круга определяет Фамусов и достоинства Скалозуба:

Не по летам, и чин завидный,
 Не нынче завтра генерал.

Тем же условиям должен удовлетворять и его будущий зять:

Будь плохинький, да если наберется
 Душ тысячки две родовых, —
 Тот и жених.

С социальным практицизмом у Фамусова уживается и бытовая сообразительность. Выслушав придуманный дочерью сон, Фамусов сразу же соображает, что она что-то скрывает. «Повыкинь вздор из головы, — советует он Софье, — где чудеса, там мало складу». Вообще в повседневной жизни Фамусов умеет добиваться своего потихоньку, не разглашая заранее своих намерений. Так, он очень заинтересован в Скалозубе, но скрывает это от Чацкого, которому говорит:

Вот будто женится на Сонюшке. Пустое!
 Он, может быть, и рад бы был душой,
 Да надобности сам не вижу я большой
 Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня...

Все отклоняющееся от норм этого поведения и вообще все новое Фамусову кажется сомнительным или просто опасным. Даже дома и тротуары послепожарной Москвы не вызывают у него энтузиазма. Тирады Чацкого он перечеркивает одним возгласом: «Под суд!» Критиковать что-либо, с точки зрения Фамусова, могут лишь столпы общества, но и эта критика не должна быть «чрезмерной»: «А наши старички? <...> И об правительстве иной раз так толкуют, Что, если б кто подслушал их... беда. Не то чтоб новизны вводили — никогда! <...> Пospорят, пошумят и... разойдутся».

Примечательно, что Фамусов, привыкший во всем, считаться с неписаной московской «табелью о рангах», спорит только с теми, кого считает стоящими ниже себя на социальной лестнице (Чацкий, слуги). Всего лишь раз решается он противоречить Хлестовой, да и то по совершенно незначительному поводу (число крестьян у Чацкого), оставляя последнее слово за ней.

Любя дочь, Фамусов больше всего озабочен не настоящим смыслом ее поступков, а тем резонансом, который они произведут в свете, и тем, как это отразится на его положении в обществе:

Моя судьба еще ли не плачевна?
Ах! Боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!